

Пальцы, касавшиеся его щеки, отстранились, и Лэ Юй поднял его на руки, обхватив за талию. Сяо Шанли издал стон, чувствуя смущение от того, как его взвешивали и оценивали. Однако, услышав, как грудь Лэ Юй вздымается, он почувствовал, как его несут на руках, и в ушах прозвучало:

— Тебе не следовало переодеваться в палатке, и уж тем более не стоило соблазнять меня, заставляя моё сердце трепетать. Твой тонкий стан действительно можно обхватить одной рукой.

Для Лэ Юй сновидения о блужданиях в иллюзорных мирах были обычным делом, а беседы о тайнах и дао с Лэ Ююанем — и вовсе привычным занятием. Однако в этот день Лэ Ююань казался озабоченным, и лишь когда рассвет уже близился, они сидели друг напротив друга на краю обрыва, и его фигура начала постепенно растворяться, готовясь покинуть этот мир, Лэ Ююань наконец нерешительно произнёс:

— Ты любишь кошек?

Не дожидаясь вопросов Лэ Юй, Лэ Ююань продолжил, будто это не его дело:

— ...В тот день я испробовал один даосский метод, хотел пошутить над тобой, но не ожидал, что истинный дракон, сын неба, носит в себе твою энергию. Метод ошибся и превратил его в кошку. Поскольку он всё же обладает судьбой императора, я не могу оставить это без внимания, так что я отправляюсь искать способ вернуть его в прежнее состояние — максимум через три дня всё будет исправлено. А пока позаботься о нём.

С этими словами он взмахнул рукавом, не давая ни секунды на раздумья, рассеял сознание Лэ Юй и вернул его душу в тело.

Лэ Юй сбросил одеяло и встал с кровати. За занавеской раздался удивлённый голос служанки:

— Господин острова, вы уже встали?

Рядом с ним подушка была пуста, другого человека не было. Сяо Шанли, отрёкшись от престола, стал известен как император в отставке. Хотя официально он проживал во Дворце Тайань, втайне он был женат на острове Пэнлай и каждый год проводил несколько дней в Цзиньцзине, навещая родных и принимая чиновников.

Служанка за дверью объявила время, и снова послышался голос, спрашивающий, всё ли в порядке с женой господина в Цзиньцзине. Служанка, с завистью исполнив приказ, удалилась, вспоминая, что хотя «жена» была мужчиной, его красота была поистине неземной, и неудивительно, что господин острова тосковал по нему.

Между тем всё, что произошло этой ночью, было недостойно упоминания, и на острове Пэнлай всё оставалось спокойным. Молодой господин утром отправился в Зал Цзинни, чтобы выразить почтение. По дороге, среди высоких деревьев и журчащих ручьёв, он внезапно увидел белый силуэт, спускающийся с неба. Оглядевшись вокруг, он заметил, что это был совершенно белый кот с глазами разного цвета, похожий на льва.

Лэ Жу с удивлением произнёс:

— Кошка?

Слуги позади него выглядели озадаченными, но увидели, как молодой господин, радостно улыбаясь, засучил рукава и, широко расставив руки, начал гоняться за белым котом, который метнулся в разные стороны.

Кот, однако, не был приспособлен к бегу, и его изнеженный вид вызывал жалость. Он даже не умел мяукать и в панике ворвался в Зал Цзинни.

Лэ Юй в это время чистил меч, и вести ещё не дошли до него. Павильон Весеннего Дождя также не ответил, и его мысли были в смятении, хотя окружающие, увидев, как господин острова полдня держит меч Цици наготове, почувствовали, что что-то не так, и затаили дыхание, не смея говорить.

Снаружи зала внезапно раздались лёгкие вздохи и крики служанок:

— Молодой господин, ой, не гонитесь за ним!

Белый силуэт замешкался, а за ним следовали торопливые шаги. Всё больше людей искали кота, и Лэ Жу, преследуя его, ворвался в комнату с мечами. Белый силуэт опрокинул вазу и с долей страха резко прыгнул прямо в объятия своего отца!

Кот был белоснежным, с длинной и мягкой шерстью, сохранявшей знакомый аромат благовоний. Шея и хвост были покрыты длинной шерстью, словно накидкой, и только его маленькое личико с глазами разного цвета, розовым носиком и взглядом, полным тысяч слов.

Он сидел в объятиях Лэ Юй, чувствуя тепло его груди и крепкие руки. Длинный хвост дрожал, а голова была опущена, словно он боялся, что навсегда останется котом. Лэ Юй, опасаясь, что он страдал снаружи, почувствовал облегчение. Вспомнив, что предки часто говорили одно, а делали другое, он продлил срок до десяти дней, успокаивая:

— Через десять дней ты вернёшься в прежнее состояние. Не бойся.

Его голос был низким, и когда он говорил, грудь слегка дрожала. Сяо Шанли, прижавшись к нему, наконец пошевелил лапой.

Лэ Жу сказал:

— Отец, ты не представляешь, когда на нашем острове появилась кошка!

Лэ Юй ответил:

— Это твой отец её завёл.

И, не обращая внимания на сына, поднял кота, улыбаясь:

— Маленький котёнок.

Лэ Жу моргнул и сказал:

— Отец, этот кот ещё не понимает людей. Может, дашь мне его на пару дней, чтобы я его приручил... Посмотри на него, красивый, конечно, но не даёт себя обнять, не даёт поцеловать...

Атмосфера внезапно стала холодной, и этот избалованный молодой господин, болтавший без умолку, внезапно остановился с широко открытым ртом.

Он увидел, как этот невероятно красивый кот холодно взглянул на него, а затем, устроившись поудобнее в объятиях отца, смиренно прижался к его груди, высунул маленький розовый язычок и слегка лизнул руку отца.

Через несколько дней молодой господин, спотыкаясь, отправился к учителю Гу, но увидел, что в комнате сидит Линь Сюань, просматривающий что-то вместо Гу Синьчи.

Молодой господин закричал:

— Брат Линь, брат Линь!

Будучи сыном господина острова Пэнлай, он с детства занимался боевыми искусствами, а грамоте учился у Гу Синьчи, став единственным младшим учеником Линь Сюаня.

Линь Сюань улыбнулся:

— Что случилось, молодой господин? Учитель спит в полдень.

Лэ Жу заглянул внутрь, обхватил голову руками и в смятении сказал:

— Этот кот, брат Линь, я никогда не видел такого кота...

— ...Этот кот ест палочками! И ему нужно четыре пары!

Этот кот был таким. В тот день молодой господин увидел, как его отец держал кота, словно это был его приёмный отец, бывший император Южной Чу, и долго уговаривал его, прежде чем кот согласился прилечь у него на руках и поесть.

Затем начался пир, и Лэ Жу остался в Зале Цзинни, чтобы составить компанию, но он буквально не мог есть! Он видел, как его отец сначала велел служанкам подавать блюда, одно за другим, давая коту понюхать каждое. Видя, что кот вялый и не проявляет аппетита, он приказал приготовить свежую рыбу, но не сырую, а слегка приготовленную, и кормил кота

филе и печени. Лэ Жу, привыкший есть с аппетитом, впервые почувствовал, что люди уступают котам.

Вскоре он почувствовал это во второй раз. Кот не ел из маленькой миски, а требовал, чтобы его кормили палочками, и после нескольких кусочков требовал сменить палочки. После еды ему нужно было полоскать рот, вытирать усы и мыть лапы.

Лэ Жу смотрел, как кот сидит на нескольких подушках на почётном месте, его белый хвост медленно покачивается, и он был буквально на седьмом небе от счастья, ухаживаемый своим отцом. Глаза Лэ Жу чуть не выпали в суп.

Служанки позади него тихо смеялись, говоря: «Этот кот такой красивый», и добавляли: «Молодой господин выглядит так, будто увидел привидение».

Линь Сюань слегка поднял бровь и с улыбкой сказал:

— Молодой господин, ты действительно выглядишь так, будто увидел привидение.

Лэ Жу серьёзно ответил:

— Брат Линь, в этом мире нет никаких сверхъестественных сил! Я абсолютно в это не верю!

Не зная, что его собственное происхождение было величайшей загадкой в мире.

Это было только первое впечатление молодого господина, но на следующий день он ещё больше перестал понимать этот мир.

Он, как обычно, утром отправился выразить почтение, но узнал, что его отец ещё не встал. Причина была в том, что кот всю ночь не мог уснуть, и его отец убаюкивал его всю ночь! Его отец, конечно, не мог не встать после одной бессонной ночи, но кот, наконец, утром уснул, свернувшись на животе отца, и он, видя, как кот выглядит измождённым, не хотел тревожить его сон, так что освободил Лэ Жу от утреннего приветствия на несколько дней.

Молодой господин ждал некоторое время, пока служанка вежливо не пригласила его войти. Он увидел, как кот, полуспящий, поднялся с живота отца и, свернувшись, перебрался на его грудь.

Отец погладил его, и хвост кота лениво обвил его запястье. Отец тихо рассмеялся, и кот, наконец, проснулся, увидев, как Лэ Жу входит, и важно уселся рядом.

Лэ Жу раньше думал, что его отец ослеп, раз увидел усталость на кошачьем лице, но теперь он чувствовал, что это он сам ослеп, увидев в коте некоторую холодную красоту.

Что было ещё страшнее, Лэ Юй с улыбкой произнёс:

— Ты смутился?

Поймал кота за корень хвоста и потянул обратно к себе. Кот смущённо дёрнулся, но его подняли и поцеловали в лоб.

Этот кот каждое утро полоскал рот, умывался, расчёсывал шерсть, и его белоснежная шерсть была словно окутана утренним туманом. Лэ Жу смотрел, широко открыв рот, чувствуя, что его отец помогает кота, и это было невероятно неприлично! Но почему он чувствовал, что за этой неприличной сценой скрывалась какая-то эротическая атмосфера?

Молодой господин ушёл, потеряв рассудок.

Не зная, что после его ухода кот бросился в объятия Лэ Юй, обнажив четыре острых белых зуба, и укусил его за плечо через одежду!

Сяо Шанли перед младшими, особенно перед сыном, всегда был непреклонен и недостижим, но теперь...

Лэ Юй позволил ему кусать, мягко поглаживая его белую спину. Ночью кот не мог уснуть, всё тело было горячим, и, видимо, наступила весна, и кошка была в периоде течки, но она не хотела облегчать себя, как животное.

Кот внезапно расслабился, его глаза, один синий, другой золотой, были ясны, как вода, и сияли, как луна, смотря на Лэ Юй с мольбой.

<http://bllate.org/book/15272/1348108>